

СВОБОДА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА

Статтю присвячено розгляду свободи як антропологічної засади культуротворчості. Виявлено, що культуротворча свобода «складається» із людської волі як екзистенціалу та змістовної свободи афірмації; простежено взаємну кореляцію свободи та відповідальності у ствердженні культурних явищ, яка полягає не лише в їхньому діалектичному «переході у своє-інше», але й у русі по «герменевтичному колу».

Ключові слова: культуротворчість, афірмація, свобода, антропологічна засада, екзистенціал.

This article is devoted to analyses of freedom as an anthropological basis of culture-creation. It has been revealed, that a culture-creative freedom joins human's free will as an existential and a pithy freedom of affirmation; it has been retraced a mutual correlation of freedom with responsibility during cultural-act's affirmation, which is concluded not only theirs dialectical "transition into one's own-other", but and theirs movement in the "hermeneutical circle".

Key words: culture-creation, affirmation, freedom, anthropological basis, existential.

По словам известного российского культуролога и философа культуры В.А. Конева, «Насколько данное культурное явление может решать проблемы настоящего, настолько оно и значимо. А кроме того, настолько, решая проблемы здесь-и-теперь, оно помогает утверждению самой способности существования для человека его постоянного «теперь», его способности быть и утверждать бытие [...] должно утверждать саму культурную способность человека, способность утверждения культуры и своей жизни. Следовательно, подлинное, истинное культурное явление должно быть носителем самой силы аффирмации как силы креативной» [4, с. 27].

Но способность аффирмации свойственна, прежде чем она аккумулируется в произведении, норме, ценности, *самому человеку*. Именно эта способность может быть названа *культуротворческой*; думается, именно культуротворчество и является тем «механизмом», который обеспечивает «осуществление “есть”» в отношении бытия, по крайней мере, *бытия культуры*. Иными словами, культуротворчество *есть* реализация «силы аффирмации» – способности, которая лежит в основе возникновения и бытия культуры как таковой. (В скобках замечу, что некоторые исследователи, имея в виду фактически то же самое, используют иную терминологию. Так, например, А.В. Александрова, апеллируя к опыту А.Ф. Лосева («Диалектика мифа») и Е.Н. Рерих («Живая Этика»), следующим образом определяет «живую культуру» – не совпадающую с «канонической культурой» и преодолевающую ту культуру, которая является способом человеческой деятельности в отчужденном бытии: это «... деятельность творящаяся, сущностно творимая индивидом, выводящая его в подлинное бытие напряжением сознания, воли и чувства» [2, с. 47-48]. С.Б. Крымский, характеризуя «механизм переработки экологии

в культурную онтологию человечества» как то, благодаря и вследствие чего создается ценностно-смысловой универсум, отмечает, что «Эта деятельность определяет не только человекосоразмерность сущего, но и возможность перевода его в определенный **этический** (выделено мною, – В.Л.) порядок монадного (индивидуализированного) бытия» [5, с. 109]).

Неоднократно делаясь с философским сообществом мыслью, что, утверждая в культурных актах бытие культуры, делая налично-бытующим свой культурный мир, человек в *тех же* культурных актах утверждает самого себя как участника диалога, как Я-культурное, что означает создание и поддержание своей личностной структуры, свое самопреодоление-самоутверждение, я пыталась подчеркнуть первичность свободного выбора культурных смыслов. Целью данной работы является обоснование отмеченной первичности свободы, а также подтверждение того, что личностное бытие – если, конечно, личность «наличествует» – действительно предшествует «живому бытию» культуры.

Проблема самоутверждения личности – одна из традиционных для европейской философии и психологии, чему посвящены специальные исследования [см., напр., 8]. После И. Канта общепринятым стало признание *свободной воли* в качестве предпосылки самоутверждения. Можно согласиться с определением *свободы воли* как абстрактно-всеобщей природы свободы и как «меры онтологического освоения человеком окружающего мира» [7, с. 4]. В контексте рассмотрения культуротворчества как «сущностно человеческой» способности создавать и, утверждая, поддерживать свое бытие-в-культуре, «свободная воля» теряет понятийно-субстанциальное единство «свободы» и «воли». Воля предстает усилием, концентрацией напряжения, активным *актным* состоянием человеческой духовности, способным обусловить-катализировать рождение/утверждение культурного смысла, в том числе и смысла человеческого бытия.

Свобода – это не только условие-катализатор воли как *акта*, т.е. некий антропологический дифференциал состояний воли; может показаться, что эта ипостась свободы, никакими внешними обстоятельствами не ограничиваемой, фактически тождественна произволу: если свободный индивид хочет – он мыслит/поступает, не хочет – не мыслит/не поступает. Но даже при допущении абсолютной внешней свободы, «хочу» и «могу» (тем более, «помыслию», «поступлю», «аффирую») далеко не всегда совпадают (и совершенно справедлива точка зрения «глубинной психологии» – «экзистенциального анализа», признающего *человека свободным*: существует «одно ограничение» и «одно дополнение»: «1. ...человеческая свобода отнюдь не тождественна всемогуществу. 2. Экзистенциальный анализ не признает человека свободным, не признавая его в то же время *ответственным*. Это означает, что человеческая свобода не тождественна не только всемогуществу, но и произволу» [9, с. 114–115]). И дело отнюдь не в том, что имеется некий изъян в «степени свободы», некоторый ее недостаток. Свобода как «атрибут» культуротворчества – это, скорее, осуществляющаяся в самом акте воления (а может, и предшествующая ему) «фильтрация» направленности аффирмации, позволяющая сконцентрироваться именно *на этом* конкретном диалоге, конкретном

смысле, его оттенке, его культурной форме, предпочесть их всегда конкретное сочетание всем *иным* как возможным. В первом приближении можно сказать, что осуществление человеком себя в качестве бытующего-в-культуре – это его *свободное* распоряжение (*воление*) культуротворческой свободой (свободой во второй ипостаси, задающей горизонты направленности и оформления утверждаемого культурного смысла).

Свобода – это один из экзистенциалов человека в том плане, что без свободы и без стремления к свободе (чувства, мышления, выбора, поступка) никакой экзистенции (личностного бытия, обращенного вовнутрь себя, к собственному культурному миру) попросту нет: свобода – «фундамент и норма экзистенциального выбора» [1, с. 157]. И если свобода – одновременно и цель, и условие культуротворчества, то ее можно определить как *некий предел-основание* человеческого бытия-в-культуре. Таким образом, свобода есть первое антропологическое основание культуротворчества: она – лоно мысли, источник эмоционального напряжения и воления, универсальное условие совершения культурных актов. Свобода – энергия того «остатка бытия», что не абсолютно задается и не регулируется только лишь генетическим кодом (наследственность, конечно, необходимо иметь в виду, на чем, например, во многом, основывается трактовка культуры Л.Н. Гумилевым). Но без этой энергии сам «факт и процесс» жизни человечества не состоялся бы, как не случилось бы и со-бытия человеческого мира – ценностно-смыслового универсума – и *Бытия как такового*. Быть может, свобода и является тем фактором, который превращает человеческую жизнь в «открытую систему», не подчиняющуюся принципу классического детерминизма (что зафиксировано в известной Кантовской антиномии о свободе).

Свобода, как онтологически предьявляемое человеческое состояние, состояние его экзистенции, коренится в самом «устройстве» человека как духовно-телесной целостности, – по сути, это является ведущим мотивом всей – уже ставшей классической – философской антропологии. Поэтому, опуская рассмотрение в качестве особой проблемы «свободы как экзистенциала», отмечу лишь фундаментально-экзистенциальный характер свободы: потенциальная возможность всегда, теоретически – в любом случае, поступить «по велению сердца» и/или «подсказке ума», воспринимающееся как обладание свободой, – не меньшая тайна, чем и Человек, как носитель-источник свободы. О свободе написаны тысячи томов философской, научной и художественной литературы, в которой свобода трактована то как «дар божий», то как «провокация дьявола»; из свободы выводились и созидательно-творческие достижения «вершины Творения», и все человеческие грехи, падения, все содеянное зло, деструктивно-разрушительные эпизоды человеческой истории. По словам С. Кьеркегора, «Свобода бесконечна и возникает из ничего» [6, с. 205]. Хотя, например, согласно марксистской позиции, «надо считать вполне доказанным тот факт, что проблема свободы в жизни людей возникает отнюдь *не с первых шагов* их существования, а лишь на *определённом* (довольно позднем) *этапе* их исторического развития... до определённого момента своей всеобщей и частной истории люди долго еще находятся *за чертой*, где свобода – и как

объективный феномен, и как субъективно переживаемая проблема – в принципе не существует...» [3, с. 8]).

Но если согласиться с той традицией, которую аккумулировал и синтезировал Э. Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности», а именно, что «стремление к жизни» (в терминологии З. Фрейда – Эрос, а в терминологии Э. Фромма – биофилия), равно как и «влечение к смерти» (соответственно: Танатос и некрофилия), – не инстинкты, коренящиеся в «человеческой натуре», а *страсти*, производные от пользования свободой, от человеческого творчества, то не остается аргументов в пользу включения этих «страстей» в число антропологических оснований культуротворчества. В отличие от свободы, которая *первична* по отношению к ним и неустранима из «человеческой природы», те начала (и созидательные, и деструктивные), от которых не свободна ни одна историко-культурная эпоха, сами должны быть объяснены, обоснованы. Но по этой же причине в число антропологических оснований культуротворчества не может быть включена ни одна человеческая «страсть» исторического происхождения: ни любовь, ни зависть, ни гордыня и т.п., хотя все они в конкретных индивидуальных (а иногда и исторических) ситуациях оказывают ощутимое влияние на культуротворческие процессы.

Проявления свободы в культуротворческих процессах определяются (или, хотя бы, коррелируются) рядом факторов. Во-первых, это социальное функционирование системы культуры в ее живой бытийственной целостности. Культура в данном случае понимается как осмысленный процесс бытия человеческого общества и индивида в истории, как единство культурной деятельности социума и индивида (индивидуального бытия-в-культуре), иными словами, как тот «механизм» исторической преемственности, посредством которого осуществляется «социокультурное» наследование, в том числе, наследование умения совершать культурные акты. Возможно, будет не лишним иметь в виду идею всеобщих моделей реализации свободы, которые воспроизводятся в различных исторических обстоятельствах, демонстрируя определенную независимость от них [см.: 3, с. 14–15]. Наиболее исследованной можно признать социальную свободу – способность индивида активно социализироваться, адаптируя сложившиеся в обществе формы ограничения и принимая во внимание меру усложнения связей между субъектами социальной активности; И.Н. Мухин выделяет такие ее универсальные формы: резистентная, рационально-дистрибутивная и солидарная [7, с. 16]. Во-вторых, конкретное проявление свободы как основания культуротворчества определяется теми индивидуальными характеристиками, в которых представлен результат деятельности биологических (наследственных и развившихся по биологическим закономерностям состояниям человеческого организма, оказывающим существенное влияние на поведение) и социокультурных процессов.

Сложность «субстрата» культуротворческой свободы (прежде всего, зависимость ее не от одной лишь экзистенциальной свободы) требует оценки соотносительности в аффирмации, во-первых, свободы с ответственностью (традиционно понимаемых как диалектические противоположности), во-вторых, свободно порождаемого смысла с его культурно оформленным утверждением в ценностно-смысловом универсуме.

Взаимная корреляция свободы и ответственности – давняя *этическая* проблема; но соотносимость свободы и ответственности в культурном акте и взаимная предопределяемость свободы и ответственности в культуротворческих процессах – это не столько «диалектические переходы» одной из них в «свое-иное», сколько движение по «герменевтическому кругу». Содержательная свобода аффирмации «измеряется» мерой ответственного оформления смысла, но то, какая именно культурная форма вместит в себя аффирмируемый в данном культурном акте смысл, – это представляет собой такой же «момент» культуротворческой свободы, *мерой* для которого является ответственное смыслопорождение. В усилении «аффирмо» и в культурном акте в целом свобода и ответственность неразличимы, тождественны и могут быть поняты/определены друг через друга: то, что выглядит, осознается и переживается как культуротворческая свобода, будучи сложным взаимопереплетением влияния различных экзистенциалов (участвующих в конкретном культурном акте, к тому же, в разной степени), есть в то же самое время не что иное, как культурная ответственность индивида, совершающего аффирмацию, и за смысл, и за оформленность, и за «интенсивность» введения смысла в ценностно-смысловой универсум, и за собственную «работу над собой» – за самоутверждение; ответственное же поступание – это и есть свободное рождение-интерпретация смысла, благодаря определенной оформленности которого в усилении «аффирмо», в любом случае невозможного без напряжения «свободы воли», смысл утверждается в мире культуры, а человеческая жизнь становится бытием-в-культуре. Можно сказать, что свобода – это творческая мера ответственности, ответственность же – культурная мера свободы, и в обоих случаях – это мера, задаваемая культурной формой. Именно *культурная форма* выступает связующим звеном во взаимопределивании свободы и ответственности как основы культуротворчества: ведь в том, *каким образом* оформлен-передан-понят-усвоен-утвержден смысл, свобода и ответственность сливаются в «культурантропологическое-культуротворческое тождество».

Литература:

1. Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 146–157.
2. Александрова А.В. Отчуждение как форма развития культуры. – К.: Самвотас, 1996. – 194 с.
3. Грушин Б.А. Возможность и перспективы свободы (10 полемических вопросов и ответов) // Вопросы философии. – 1988. – № 5. – С. 3–18.
4. Конев В.А. Философия культуры и парадигмы философского мышления // Философские науки. – 1991. – № 6. – С. 16–29.
5. Крымский С.Б. Ценностно-смысловой универсум как предметное поле философии // Философская и социологическая мысль. – 1996. – № 3–4. – С. 102–116.
6. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика. – 1993. – 384 с.
7. Мухін І.М. Феномен соціальної свободи. Автореф. дис. ... к. філос. н. / 09.00.03. – Сімферополь: Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, 2003. – 17 с.
8. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы) // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 73–91.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.